

К 100-летию со дня рождения Михаила Чехова

«Я — Гулливер...»

В те годы о нем говорили негромко. Не шепотом. Шепотом, скорее всего, говорили раньше, до 1956 года. Или не говорили вовсе. А в годы моего ученичества образ Михаила Чехова складывался в нашем сознании из легенд и самиздата. Кто-то видел его в фильме «Человек из ресторана», но никакое воображение не соединяло очень хорошо игравшего там артиста с теми легендами, фантастическими историями о нем. Божественном даре этого человека. Легенды слагались прежде всего о его даре импровизации. О его гениальном этюде, когда один из экзаменаторов — возможно, это был сам Станиславский — поставил перед ним коробок спичек и назвал его «Эйфелева башня». И как абитуриент Чехов мгновенно опрокинул его легким щелчком пальца. Комиссия ахнула. А он ответил: «Я — Гулливер»...

Историй было много. Но было еще нечто такое, что мы понимали плохо и про что молодёжи моего «призыва» не очень-то рассказывали. Мы знали, что, помимо величайшего актерского дара, Михаил Чехов обладал способностью к глубочайшему изучению и исследованию Духа, той сферы, которая была враждебна материалистическому учению, а мы со школьной скамьи знали, что учение это «непобедимо, потому что оно верно».

Все это поначалу укладывалось в туманно-запрещенное понятие «буржуазный мистицизм» или еще что-то в этом роде. Вскоре среди студентов ГИТИСа пошла по рукам рукопись — десятки пожелте-

Впервые я услышал о нем от своих учителей, А. Д. Попов был его партнером в МХАТе, М. О. Кнебель была его другом и ученицей. Позже в доме Марии Осиповны я увидел фотографию — молодой человек в черной одежде с искаженным от боли лицом и подпись: «Дорогой Маше от Миши Чехова»... и еще что-то про Гамлета.

Учителя называли его лучшим артистом в мире. Так это и осталось в памяти. И сейчас, когда студенты задают вечный и наивный вопрос: «Кто считается лучшим артистом в мире?» — я отвечаю: «Мои учителя называли Михаила Чехова. Я склонен им доверять».

ших, полуистлевших страниц, которые каждый раз принадлежали кому-либо из знаменитых артистов нашего театра. Я получил эти странички, как бы принадлежащие народному артисту СССР Н. Анненкову. И начались открытия, резко повлиявшие на сознание нескольких поколений режиссуры.

Сегодня кажется немыслимым обучение режиссеров без школы Михаила Чехова. Без его поразительных открытий в понятиях «импровизация» или «атмосфера», психологический жест, а в те годы мы переписывали в блокноты целые странички из его подпольных рукописей, мы узнавали, что мир театра и мир артиста бесконечен, что христианское учение и древняя философия Индии в еще большей степени необходимы театру, если в самом деле он призван выражать «жизнь человеческого духа».

Тем важнее сегодня вспомнить о многолетнем подвиге Марии Осиповны Кнебель, отдавшей многие годы на то, чтобы «пробить» двухтомник Чехова. Это были последние годы ее жизни. Силы уходили. Но кто-то становился рядом. Н. Крымова довела это дело до конца. Марии Осиповне не суждено было поддержать в руках две замечательные книжки, которые сегодня любой студент может полистать на досуге, а может и не заинтересоваться. У него есть великое право выбора.

Было бы неплохо, если бы этот студент узнал, что это право еще совсем недавно многим поколениям артистов и режиссеров казалось необычной мечтой.

Хотя не это главное. Главное, что Михаил Чехов — победил.

Леонид ХЕЙФЕЦ.

Письма и дневники поразительно помогают живому ощущению прошлого. Без них культура обречена на неполноту. Их скрытая энергия продолжает питать современную жизнь.

У русского зарубежья странная судьба: сегодня оно ценится по высшему тарифу. Исследователи, никогда прежде не интересовавшиеся им, ринулись за границу изучать русские архивы (это требует усидчивой, кропотливой, долговременной работы), читатели ловят новые сведения о тех, кто десятилетиями был умышленно скрыт от внимания. С нечеловеческим упорством годами делалось все, чтобы имена Зинаиды Гиппиус, Мережковского, Бориса Зайцева, Георгия Иванова, Михаила Чехова, Евреинова, Тэффи, Осипа Дымова, Рожиной-Инсаровой были забыты на родине. Но они были и остались признанными художниками эпохи. И сегодня мы отключаемся на их художественную содержательность. Теперь это разрешено. Теперь это стало возможным.

Цвет русской интеллигенции покинул Россию после революции. В мировой истории нет ничего равного по численности и культурному значению, что могло бы сравниться с русским зарубежьем.

После Октябрьской революции 1917 года Россию покинуло более миллиона человек. После окончания гражданской войны армии, сражавшиеся в Крыму, на юге России, вокруг Петрограда, в Сибири, на севере, потянулись за границу. В 1922 году советское правительство пополнило число русских эмигрантов, выслав крупнейших русских мыслителей, среди них были Николай Александрович Бердяев и Николай Онуфриевич Лосский. К 1925 году русское зарубежье исчислялось уже десятками миллионами. Политические и общественные деятели, писатели, художники, врачи, адвокаты, инженеры, журналисты, актеры, композиторы составили три четверти русской эмиграции.

Выехавшие сознавали себя носителями великой русской культуры, создававшейся веками. Они хранили ее, умножали, несли в мир, распространяли среди других народов. Русских художников слова, сцены, кисти объединяли общность судьбы и необходимость годами отстаивать веру в себя, в свой талант: русская слава в прошлом оказалась на Западе ненадежной защитой. И тем не менее они жили, творили, пытались реализовать себя. Видения прошлого обступали их, в своем большинстве они были униженными, нищими и ненужными. Россию они не забывали никогда, говорили по-русски, борясь за сохранение русских традиций уже в русских школах, разбросанных по всему зарубежью.

Сегодня та русская эмиграция изумляет современников мощью мысли, благородством, неутомимым терпением. Знакомство с материалами русских зарубежных архивов мы начинаем публикацией неизвестных ранее писем Михаила Чехова писателю Марку Александровичу Алданову, хранящихся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Михаил Чехов уехал из Советского Союза летом 1928 года в Германию и не вернулся на родину. Работал в Европе, потом уехал в США, где и

умер в ночь на первое октября 1955 года. Похоронен он в Калифорнии. В 1986 году издательство «Искусство» опубликовало двухтомник «Михаил Чехов», его литературное наследие, воспоминания, его письма, теоретическую работу «О технике актера». Писем, написанных Чеховым после окончания второй мировой войны, в двухтомнике было очень мало, между тем в русских архивах в США хранится множество писем Михаила Чехова писателю Марку Алданову, открывающих жизнь художника, переступившего роковой для себя рубеж и нелегко прожившего более четверти века вдали от России.

Май. 1.1946.

Дорогой Марк Александрович!

Пишу карандашом, т. к. сижу в гриме в Студии и не имею под рукой ни чернил, ни приличной бумаги. Простите за это.

Как только получил Ваше письмо — немедленно позвонил Аким Михайловичу*. Он обещал мне немедленно написать Вам или даже телеграфировать. Он был (и есть) очень болен. Этим объясняется его молчание. Поздравляю Вас от души с окончанием «Истоков»! Я хоть и не писатель, но представляю себе, какую работу и какое удовлетворение Вы должны испытывать, оканчивая такой большой труд, как «Истоки»! (Ах, зачем я не писатель!.. Позднее сожаления). Появятся ли «Истоки» отдельной книгой и на каком языке?

В «Actor's Lab» я ставлю «Ревизора», но спектакль этот отложен до августа, т. к. я занят в картине и буду занят еще больше месяца. Как я был бы счастлив повидать Вас, Марк Александрович, и, так сказать, «познакомиться» с Вами еще раз. Но я буду очень огорчен, если Вы приедете до того, как я кончу картину — при нашей работе (с 6 часов утра до 7 часов вечера) — я едва ли смогу насладиться встречей с Вами, так, как бы мне хотелось. Вы едете к нам отдыхать?

Воспоминания свои я прекратил по трем причинам: во-первых — фильм, во-вторых — «Ревизор», в третьих — книга. Книга выйдет (по-русски) месяца через два, и я тотчас же пошлю ее г-ну Карповичу в «Новый журнал». Мне очень хочется, чтобы книга эта попала в Россию, потому я и хочу издать ее поскорее на русском языке, хотя она уже переводится и на английский. Играю старого еврея и сейчас сижу во фраке и в ямке — еврейская свадьба. Учусь петь: «хусэн кала мазелтоф»... Когда после работы возвращаюсь домой, то продолжаю говорить с моей женой «по-еврейски» —

* Тамиров Аким Михайлович (1899—1972) работал в труппе МХТ с 1920 по 1924 г. Снимался в Голливуде, жил в США, имел успех, карьера его сложилась удачно.

она никак не может привыкнуть, а я не могу отвыкнуть.

Крепко жму Вашу руку и благодарю за письмо, дорогой Марк Александрович, Ваш

М. Чехов.

28 июня 1948 года.

Дорогой Марк Александрович! Спасибо Вам за письмо! Я очень обрадовался, получив весточку от Вас. Что Вы были за границей — я знал. Очень интересуюсь Вашим новым произведением. Вашу «Фифс Сиил»* я читал по-английски и очень жалею тех русских, которые не очень сильны в английском языке, а на русском языке, конечно, издавать нет смысла, да и никто и не возьмется — нет рынка.

Относительно сценария Е. П. Морозова должен сказать Вам, что НИКОГДА не может знать, захотят ли его поставить в Голливуде. Как и на основании каких принципов выбираются здесь сценарии — понять невозможно. Играет роль и политика, и мода, и вкус продюсера, и знакомство, и, по-видимому, еще многое, не поддающееся учету. Актеры совершенно не участвуют в выборе сценариев. Куда надо обратиться г-ну Борисову-Морозову, в данный момент, я не знаю. Постараюсь узнать, и если что-нибудь выясню — сообщу Вам. Сценарий должен быть переведен на английский язык. В фильмовой индустрии сейчас ужасный застой. Что-то происходит в высших сферах, какие-то «фильмово-политические» осложнения, и по Голливуду ходит множество безработных актеров. Никто не знает, когда опять начнут снимать. Тамировы долго были в Италии и недавно вернулись. Видел их только один раз. Ваш поклон непременно передам. Я живу по-прежнему тихо и скромно. Переехал из душной Вэлей в Беверли хиллс. Очень огорчаюсь международной ситуацией и настроен пессимистически. Марк Александрович! У меня к Вам просьба: я очень хочу приобрести полное собрание сочинений писем Ан. П. Чехова и нигде (даже в Париже) не мог достать этих писем. Может быть, среди Ваших литературных друзей и знакомых есть добрый человек, кот. имеет собрание этих писем и согласится продать их мне? Если при случае вспомните и спросите кого-нибудь об этом — буду благодарен от всего сердца. Но если это хоть сколько-нибудь затруднит Вас — забудьте! Мою переведенную на английский язык книжку «О технике актера» посылаю нью-йоркским издателям, и все они с вежливыми письмами возвращают ее мне, говоря, что очень сложно. Плохо. Я даже приуныл.

Еще раз спасибо Вам за письмо!

Желаю Вам всякой радости.

С самым искренним уважением к Вам.

Ваш Мих. Чехов.

Моя жена просит передать Вам привет
1310 San Ysidro Drive
Beverly Hills, Calif.

30 января 1951 года.

Дорогой Марк Александрович!

Спасибо Вам за письмо — было радостно получить его и радостно узнать, что Ваши творения хотят приобрести голливудские студии. Знакомства фильмовые растерял и я, но сейчас же начну наводить справки о лучшем агенте по продаже манускриптов и книг. За Ваш отзыв в фонд Гугенхайма — несказанно Вам благодарен! Болезнь моя, от кот. я почти совсем поправился, произвела в Голливуде убийственное для меня впечатление: все студии уверены, что я все еще тяжело болен, и меня вот уже почти два года, как нигде не приглашают в качестве актера. Разубедить никого невозможно, и даже агент мой бессилен. Это — судьба. Живу грошowymi уроками, и чем все это кончится — даже и представить себе не могу. Поэтому субсидия Гугенхайма — моя последняя и единственная надежда. В марте жду ответа. Еще раз спасибо за Ваш добрый и незаслуженно хороший отзыв обо мне.

Тамиров давно уже куда-то уехал отдыхать, и за все это время я получил от него только две весточки.

Как я буду рад, если Ваша «The Fifth Seal» (кот. я очень люблю) появится на экране!

Я немедленно сообщу Вам имя и адрес агента, как только узнаю.

Примите и наш «vom haus zu haus» самый искренний привет.

Всегда ваш М. Чехов.

Знаю, что за время многолетнего голливудского кризиса — цены страшно понизились, но достаточная ли сумма 15.000 за Вашу вещь — сказать Вам не могу, это может знать только специалист — агент. Майлстоу в Австралии. В феврале собирается вернуться.

К успеху своих юных и зрелых лет Чехов уже не вернулся. Судя по письмам к Алданову, его преследовала жесткая и неутихающая мысль, что «это — судьба». Но это была судьба не только Чехова. И хотя было бы категоричным утверждать, что нереализованность была уделом всех людей театра, живущих вдали от России, тревожные заботы о завтрашнем дне становились повседневностью. Письма Чехова к Алданову — небольшая страничка в еще не прочитанной биографии актера, который в последние годы своей жизни был погружен в воспоминания о доме, об отце, о великом дяде, в мысли о сцене. Но сцена была от него далеко.

В. ВУЛЬФ,

доктор исторических наук.